

— НОВАЯ ВЕРСИЯ —

Франсуа Керсоди

Уинстон Черчилль

Власть
воображения

УДК 929
ББК 63.3(0)4
К36

François Kersaudy. Winston Churchill, le pouvoir de l'imagination

*Ouvrage publié avec l'aide du Ministère français chargé de la Culture –
Centre national du livre*

*Издание осуществлено с помощью Министерства культуры Франции
(Национального центра книги)*

Дизайн – Александр Зарубин

Научный редактор – канд. ист. наук, Е. А. Воронцова

Керсоди, Франсуа

К36 Уинстон Черчилль: Власть воображения / Пер. с фр.
М. В. Глаголева. – М.: Этерна, 2015. – 592 с. – (Новая версия).

ISBN 978-5-480-00305-5

В книге известного современного французского исследователя Ф. Керсоди во всех подробностях прослежен жизненный путь У. Черчилля, оставившего неизгладимый след в мировой истории. На великолепной документальной основе (это меморандумы, деловая и личная переписка, мемуары и многое другое) автор создает запоминающийся образ одного из самых выдающихся политиков и государственных деятелей XX века и неординарного человека с присущими ему характерными чертами.

Книга будет интересна широкому кругу читателей и особенно тем, кого не оставляют равнодушными судьбоносные повороты, происходящие в истории благодаря историческим личностям.

УДК 929
ББК 63.3(0)4

© Tallandier, 2000
© М. В. Глаголев, перевод на
русский язык, 2015
© Палимпсест, 2015
© ООО «Издательство «Этерна»,
оформление, 2015

ISBN 978-5-480-00305-5

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ	11
КАПРИЗЫ СУДЬБЫ	13
БЛЕСТЯЩИЙ ДВОЕЧНИК	24
ПРОЩАНИЕ В СЛЕЗАХ	47
ПЕРОМ И ШПАГОЙ	64
СИЯТЕЛЬНЫЙ КАНАТОХОДЕЦ	98
ВООБРАЖЕНИЕ БЕЗ ВЛАСТИ	153
ЧЕЛОВЕК-ОРКЕСТР	183
СТРАЖ ИМПЕРИИ	224
В ОЖИДАНИИ БУРИ	269
РЕИНКАРНАЦИЯ	329
ДИРИЖЕР ОРКЕСТРА	375
ВТОРАЯ СКРИПКА	441
ВЕЧНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ	514
ВОЗВРАЩЕНИЕ В ВЕЧНОСТЬ	570
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	587

*Памяти Жоржа Лебо,
бойца Сопротивления,
человека дела и широкой души*

У
ИНСТОН
ЧЕРЧИЛЛЪ

ВСТУПЛЕНИЕ

В июне 1950 г. американский еженедельный журнал «Тайм мэгэзин» назвал Уинстона Черчилля «человеком полувека»; в июне 2000 г. французский ежемесячник «История» посчитал «полу-» излишним и окрестил его «государственным деятелем века». Чем оправдать такую честь? Об этом позаботился сам генерал Шарль де Голль, описав Черчилля как «великого лидера великого дела и великого творца великой истории» и добавив к этому определению: «В этой великой драме он был самым великим». Однако уже со времени той великой драмы Уинстон Черчилль не переставал быть предметом яростных споров, в которых несколько потускнело сияние его образа, но не было задето величие. Во Франции его имя слишком часто связывали с бомбардировками Дрездена и расстрелом французских кораблей на рейде Мерс-эль-Кебир; в Великобритании журналисты любили подчеркивать его перегибы, и перечень его вымышленных преступлений зачастую был подлиннее речи Фиделя Кастро.

Столько туману напустили, что в нем нетрудно раствориться реальному человеку, а ведь он представляет исключительный интерес: была ли еще у кого-нибудь в том веке или в предшествующем столь невероятная судьба, как у Уинстона Спенсера Черчилля? Ее пытались воскресить в бесчисленных биографиях, но одни слишком коротки, чтобы их стоило читать, а другие слишком длинные, чтобы дочитать; одни обрушивают свирепую критику, другие напоминают жизнеописания святых; одни написаны столь давно, что их и не найти, другие же столь скучны, что их не стоит искать; одни существуют только на английском языке, другие переведены наспех; в одних герой

погибает, не родившись, в других возрождается после смерти; и только старый роскошный «Уинстон Черчилль» Уильяма Манчестера¹ лишен всех этих недостатков, но, к сожалению, рассказ обрывается в 1940 г. — на четверть века раньше, чем хотелось бы.

Определенно, мы просто обязаны проследить жизненный путь этого самого изумительного «человека-оркестра» новейшей истории. Путешествие будет долгим, беспокойным, порой веселым, часто изнурительным и всегда ужасно опасным.... Но, как и Уинстону Черчиллю, читателю уж точно не придется скучать; и, проживая шаг за шагом эту замечательную жизнь, он не преминет обогатить свою.

Ф. К.

¹ *Manchester, W. Winston Spencer Churchill, Visions of Glory. London: M. Joseph, 1984.*

I

КАПРИЗЫ СУДЬБЫ

30 ноября 1874 г. во дворце Бленхейм, что в графстве Оксфордшир, появился на свет Уинстон Леонард Спенсер Черчилль, сын Рэндолфа Черчилля и Дженни Черчилль, урожденной Джером. Счастливый отец поспешил написать теще: «Мальчик чудо как хорош, черноволосый и очень крепкого здоровья, учитывая его рождение до срока». Это, как говорится, официальная версия: малыш, вероятнее всего, появился в положенный срок, только вот родители поженились лишь за семь месяцев до того, и требовалось сохранить приличия; «чудо как хорош» в отношении толстого карапуза со свинячьими глазками и с крупным носом-румпелем, несомненно, звучит слишком восторженно; что до черных волос, так это вообще игра воображения: маленький Уинстон был огненно-рыжим...

Единственное, в чем нет сомнений, так это в том, что у новорожденного были прославленные предки. По отцовской линии он происходил от Джона Черчилля, первого герцога Мальборо, громившего войска Людовика IV под Бленхеймом, Мальплаке, Рамильи, Уденардом, да и вообще везде, где бы он их только не встретил. В награду королева Анна подарила полководцу роскошный замок в Вудстоке, в Оксфордшире, который назвали в честь его самой блистательной победы — Бленхейм. Удивительное здание этот замок Бленхейм, он вполне способен соперничать с Версалем: внушительные башни, три гектара крыш, триста комнат, парк в тысячу четыреста

гектаров... После смерти герцога в 1722 г. его замок вместе с титулом достался старшей дочери Генриетте, затем сыну его второй дочери — Карлу Спенсеру. С той поры они переходили от одного Спенсера к другому, и имя Черчилль исчезло до 1817 г., когда пятый герцог Мальборо был удостоен королевским указом права называться Спенсер Черчилль, дабы увековечить память славного предка.

Нельзя сказать, чтобы этот 5-й герцог, беспечный эстет и заядлый игрок, добавил к фамильному имени какой-то особый блеск. Пришлось ждать середины XIX века и появления 7-го герцога, Джона Уинстона, человека глубоко религиозного и преданного Короне, чтобы герб Спенсеров Черчиллей ненадолго засверкал. Продолжателя у этого дела не нашлось, ибо его сын и наследник Джордж, маркиз Блэндфордский, скоро возобновил прервавшуюся было традицию праздности и разложения, столь дорогую для Спенсеров. Но у 7-го герцога был еще и младший сын, Рэндолф, на которого отец возлагал все свои надежды... хотя и непонятно почему, поскольку к своим двадцати трем годам лорд Рэндолф Спенсер Черчилль, краснобай и умница, еще ничего в жизни не сделал. Так ли уж ничего? Да нет, кое-что успел: летом 1873-го в Коувсе, на острове Уайт, он повстречал на балу юную американку Дженни и спустя три дня попросил ее руки...

Дженни Джером или, вернее, Женни Жером, юная красавица, столь же романтическая, сколь и энергичная, была второй дочерью Клары и Леонарда Джером. Последний, выходец из древнего гугенотского рода, эмигрировавшего в Америку в начале XVIII века¹, был типичным представителем категории людей, про которых говорят «сделали себя сами»: финансист, медиамагнат, биржевой маклер, импресарио, держатель беговых лошадей, основатель жокейского клуба, филантроп, владелец парусников и яхтсмен — вот далеко не полный перечень этого знаменитого янки с чудным характером и сказочной энергией.

¹ Родоначальник американской ветви Джеромов, французский эмигрант-гугенот Тимотэ Жером, прибыл в Америку в 1717 г.

Его супруга Клара, щедрая и предприимчивая, происходила из американской семьи, и среди ее предков были индеанка из племени ирокезов и лейтенант из армии Джорджа Вашингтона. Она была честолюбива и строила смелые планы в отношении и своего мужа, лично себя и своих трех дочерей, с которыми она поселилась в Париже, столице Второй империи, рассчитывая выдать их замуж за французов из хороших семей. Она была уже близка к заветной цели, когда в 1870-м прусское вторжение разметало в прах все ее надежды, вынудив бежать с дочерьми в Англию. Так объясняется присутствие мадам Жером и ее дочерей на балу в Коувсе, данном в честь цесаревича (будущего Александра III) 12 августа 1873 г. Именно на этом балу, как мы помним, Дженни Джером встретила молодого человека с глазами навывкате и победительными усами, среднего телосложения, но с манерами соблазнителя — лорда Рэндолфа Спенсера Черчилля, за которого она вышла замуж 15 апреля 1874 г. Такова была цепочка династических, географических, политических, социологических, психологических, сентиментальных и физиологических случайностей, результатом которой стало появление семь месяцев спустя рыжеволосого толстячка в родовом гнезде герцогов Мальборо...

Пока новорожденный осваивается со своим впечатляющим окружением, мы можем поискать ответы на несколько вопросов, и прежде всего на меркантильный: в богатой ли семье родился Уинстон Леонард Спенсер Черчилль? Дворец не должен вводить в заблуждение: он, конечно, принадлежал его дедушке, 7-му герцогу Мальборо, но только вот отец его не был наследником¹.

¹ Рэндолф не был наследником, но Уинстон не терял права стать наследником титула и родового поместья Мальборо в течение более 20 лет, пока у его двоюродного брата Санни, 9-го герцога Мальборо, не родился ребенок мужского пола. В 1895 г., после свадьбы молодого Мальборо, старая герцогиня — бабушка Санни и Уинстона Черчилля — наставляла невестку Консуэлу Вандербильт: «Вашим главным долгом является рождение ребенка. И это должен быть сын, ибо было бы невыносимо, если бы этот недоносок Уинстон унаследовал титул герцога». — *Прим. переводчика.*

Вообще-то ничего плохого в этом нет, даже наоборот: расходы на содержание, меблировку, усовершенствование и приращение величественного поместья уже разорили многих Мальборо, начиная с Джорджа Спенсера, 4-го герцога, обогатившего владение замечательной коллекцией картин и драгоценностей и роскошным парком с огромным прудом. Дальше стоит упомянуть 5-го герцога, который успел добавить прекрасные апартаменты, павильоны, библиотеку из ценных книг, коллекцию музыкальных инструментов, ботанический сад, китайский сад, розарий, фонтаны, беседку, гроты, кольцевую дорогу и мост, прежде чем его схватили кредиторы. Конечно, дворец не был единственной виной бедственного финансового положения: уже с Карла Спенсера, внука знаменитого 1-го герцога, до Джорджа Блэндфорда, старшего сына 7-го герцога, страсть к азартным играм была наследственным пороком, поглотившим за полтора века крупнейшее состояние. Ничего удивительного, что в 1875 г. премьер-министр Бенджамин Дизраэли позволил себе написать королеве Виктории, что 7-й герцог Мальборо «недостаточно богат для герцога». Он мог бы добавить, что и оба его сына, Джордж и Рэндолф, жили весьма и весьма ниже уровня своего отца...

У английской аристократии XIX века вопрос нехватки наличности легко решался браком по расчету. Не этим ли путем пошел Рэндолф Спенсер Черчилль, женившись на дочери миллионера Джерома? По правде сказать... нет. Хотя, в отличие от Спенсеров, знаменитый предприниматель Леонард Джером действительно умел делать деньги, но спускал он их еще лучше. Сколотив приличное состояние в Нью-Йорке к 1850 г., он вскоре разорился благодаря своему образу жизни, филантропии и рискованным вложениям. Нимало не обескураженный неудачей, этот третий калач накопил еще большее богатство, с которым так же быстро расстался в несколько лет после окончания Гражданской войны... Больших денег не осталось, но тем не менее он по-прежнему мог жить на широкую ногу, обеспечивать роскошную жизнь супруге и дочерям в ветреном Париже Второй империи и даже выделить подобающее

приданое Дженни к ее свадьбе с Рэндолфом. Как и Спенсеры, Джеромы, по-видимому, также полагали, что «бедным быть само по себе уже грустно, а если уж еще и ограничивать себя, то...»¹

Пока маленький Уинстон делал первые неуверенные шажки по бесконечным галереям дворца Бленхейм, его постоянно в изобилии окружали военные реликвии — оружие, латы, штандарты и батальные картины. Это были тень великого Мальборо и, побледнее, тени нескольких его потомков, таких как 3-й герцог Карл Спенсер, полковник королевской гвардии, командовавший в 1756-м неудачным рейдом на Рошфор, а после — несчастливой кампанией в Германии, в ходе которой он и нашел свою смерть. Возможно, наученные этим горьким опытом, его наследники впоследствии занимали в армии только почетные, но номинальные должности, предпочитая проводить время на скачках среди зрителей, чем в атаках среди участников, что, впрочем, не мешало им оставаться верными слугами Короны, страстно увлеченными политикой. 3-й герцог был назначен лордом Казначейства, затем, в 1755-м, лордом Личной Печати (этой же должности удостоится и его сын Джордж, 4-й герцог). Его преемник, 5-й герцог, уже известный нам своими экстравагантными тратами, был назначен... комиссаром Казначейства. В 1867-м отец Рэндолфа, 7-й герцог, Джон Уинстон был назначен председателем Совета в правительстве Дизраэли — пост, с которого он ушел даже больше чем просто с почетом. Спустя семь лет Дизраэли предложил ему должность лорда-лейтенанта (вице-короля) Ирландии, но головокружительные представительские расходы нужно было бы оплачивать из собственных средств, а 7-й герцог по известным нам причинам не входил в число богачей... Пришлось отказаться от этой чести.

¹ Приданое Дженни составило 50 000 фунтов стерлингов, приносившие 2000 фунтов годового дохода. И капитал, и рента делились между молодоженами поровну. Отец Рэндолфа, герцог Мальборо, оплатил долги сына, подарил небольшой особняк в Лондоне и выделил еще 1100 фунтов годового дохода. — *Прим. переводчика.*

Когда герцоги Мальборо не были заняты восстановлением замка Бленхейм, королевской службой, охотой на лис, бегством от кредиторов или погашением долгов отпрысков, они предавались традиционному занятию, а именно представляли свой округ в парламенте. Более ста лет добрые жители Вудстока избирали владельца замка или его сына с трогательной преданностью, и некоторые из избранных относились к своей роли очень серьезно. К ним принадлежал 7-й герцог, который провел пятнадцать лет в палате общин и снискал репутацию блестящего оратора — дар, который вскоре проявился как наследственный¹. Тогда как его старший сын Джордж слишком погряз в наслаждениях, чтобы всерьез заниматься политикой, младший сын Рэндолф очень рано открыл в себе политическую жилку и определенный талант для ее проявления. В феврале 1874 г. он был триумфально избран в «фамильную вотчину» Вудстоке, и три месяца спустя абсолютно все, начиная с премьер-министра Дизраэли, единодушно сошлись во мнении, что первая речь в палате общин молодого депутата от консерваторов — и молодожена — Рэндолфа Спенсера Черчилля позволяет предсказать ему большое будущее в политике.

Пока Уинстон, красивый щекастый малыш с рыжими кудряшками, осваивался и знакомился с ближайшим окружением, он замечал, что в их новом лондонском доме на Чарлз-стрит сменилось много лиц и что его родители в нем редкие гости. И в самом деле, светская жизнь была главным смыслом существования Рэндолфа и его молодой

¹ В России широко распространен миф, что дед Уинстона Черчилля погиб под Балаклавой в самоубийственной атаке знаменитой бригады легкой кавалерии, хотя 7-й герцог вообще не служил в армии и в годы Крымской войны 1853–1856 гг. вел баталии исключительно в парламенте, а прадед, 6-й герцог, тоже не отличался воинственностью и умер в своей постели. Тем не менее это заблуждение и сегодня эксплуатируется в рекламных статьях о крымских достопримечательностях, хотя оно основано на одном лишь факте посещения Черчиллем в 1945-м (и позже — его потомками) поля сражения, где сложил головы цвет английской армии. — *Прим. переводчика.*

супруги. Им было на кого равняться: герцоги Мальборо всегда славились показной роскошью приемов и чрезмерной широтой круга знакомств; с окончания колледжа и университета — непременно Итона и Оксфорда — вплоть до вступления в должности — часто почетные, пожалованные королем и премьер-министром, — герцоги Мальборо из Бленхейма все время оказывались в эпицентре светского вихря, где вращались старые лорды, местная знать, отпрыски хороших фамилий, депутаты, министры, финансисты, офицеры и дипломаты. Со времен вступления на трон королевы Анны до правления Георга III и королевы Виктории герцоги Мальборо всегда были *persona gratissima*¹ при дворе, и монархи даже иногда сами были не прочь нанести визит в замок Бленхейм. Нетрудно понять, откуда возникла почти врожденная склонность лорда и леди Спенсер Черчилль к светским развлечениям... За океаном была та же картина, что и в королевстве: и в белые, и в черные полосы своей жизни Леонард Джером неизменно устраивал роскошные приемы, стоившие до 70 000 долларов (очень дорогих долларов того времени) за вечер; на них можно было встретить все сливки мира искусств, политики и финансов. А позже его дочь Дженни наслаждалась блеском приемов и балов, устраиваемых в Париже французским императором².

Немедленно после рождения сына оба родителя вновь с радостью погрузились в пучину светской жизни. «Мы жили, — вспоминала Дженни, — в вихре радостей и горячке. Я побывала на множестве чудеснейших балов, длившихся до пяти часов утра». Их сын Уинстон сам признавал, что его родители «вели радостное существование на ногу чуть большего размера, чем позволяли их доходы. Располагая превосходной французской кухаркой, они давали приемы без конца. Сам принц Уэльский, с самого начала проявивший к ним большое почтение, несколько раз бывал у них на обедах». И это факт: Его Королевское Высочество Альберт Эдуард Саксен-Кобург-Готский, буду-

¹ Наиприятнейшая особа (итал.). — Прим. переводчика.

² Наполеоном III.

ший Эдуард VII, создал для себя небольшой двор из кутил благородного происхождения — «круг дома Мальборо», столпами которого стали лорд Бересфорд, лорд Каррингтон, герцог Сазерленд, граф Эйлесфорд и, разумеется, сам лорд Рэндолф Черчилль собственной персоной. И чем же занимался этот придворный кружок? Приемы, балы, скачки, азартные игры и охота...

В свои первые годы Уинстон мог видеть только отблески этого светского глянца, скрывавшего неприглядные реалии. Злоупотребление алкоголем только одна из них, но далеко не самая безобидная. В Англии XVIII и XIX веков пьянство было не только лишь «бичом рабочего класса»; уже с учебы в колледже дети аристократов устраивали бесконечные попойки, и возраст только способствовал усердию на службе Бахусу, благо молодой крепкий организм еще не подводил своих хозяев. Этому пагубному пристрастию герцоги Мальборо заплатили тяжелую дань: от родного внука 1-го герцога, Уильяма, маркиза Блэндфордского, который ушел из жизни в двадцать три года, так и не протрезвев, до младшего сына 7-го герцога, Рэндолфа, в двадцать лет задержанного полицией за пьяный дебош, прошло ровно полтора года лет убийственных возлияний.

У светской жизни был и еще один вполне тривиальный, но не менее тяжелый по последствиям аспект — многочисленные внебрачные половые связи, которые язык не повернется назвать любовными похождениями, поскольку любовь играла в них мизерную роль. То, что юные аристократы участвовали в оргиях, приобщающих к половой жизни, считалось продолжением традиции, восходящей к X веку и даже ко временам римского владычества. То, что девушки из хороших фамилий, тщательно оберегаемые от порочных связей до замужества, бросались наперстывать упущенное время сразу после заключения брака (зачастую с мужьями, годящимися в отцы, с которыми смертельно скучали), воспринималось с пониманием. И то, что благородные лорды содержали любовниц, никого не скандализировало даже в строгую Викторианскую эпоху, благо пример подавали с самого верха: принц Уэльский был большим проказником, окруженным боль-

шим и даже чрезмерным количеством дам, сменявших друг друга в его постели, на что его супруга принцесса Александра взирала равнодушно. Была лишь одна уступка викторианским порядкам: за пределами круга посвященных все должно храниться в строжайшей тайне.

В высшем обществе бывшей заморской колонии царили те же нравы за ширмой благородного поведения и скромности. Отец Дженни магнат Леонард Джером являл собой наиболее яркий образец: чрезвычайно щедрый во всех отношениях, сильно увлекавшийся оперными певицами¹, он содержал многочисленных любовниц и стал отцом нескольких незаконнорожденных детей. Его супруга Клара обращала на его шалости внимания не больше, чем принцесса Александра. Она и сама была не монашкой, и ее парижский список любовников вполне сойдет за краткий справочник европейских знаменитостей. Стоит ли говорить, что такие спортивные увлечения были строжайше запрещены для ее дочери Дженни до замужества... А после? Ну а как иначе! Она последовала примеру своих родителей и... своего мужа.

Именно в ее муже проявились все неприятные последствия бурных сексуальных утех. Была ли той, что одарила лорда Рэндолфа Черчилля сифилисом за пару месяцев до свадьбы, светская львица, дама полусвета или проститутка из зланных трущоб, это только ему известно... и кое-кому еще. В те времена от венерических болезней лечить не умели, и все такие истории заканчивались очень плохо.

Тяжелые последствия имело и еще одно альковное приключение, на этот раз его старшего брата – очень образованного, очень одаренного и очень беспутного Джорджа, маркиза Блэндфордского. На шестом году брака с леди Альбертой, дочерью герцога Аберкорнского, Блэндфорд стал любовником прекрасной валлийки, жены графа Эйлесфорда, которого в тесном кругу звали Спортивным Джо. Все могло бы остаться обычным делом,

¹ Он назвал свою дочь в честь Дженни Линд, «шведского соловья». Приписываемый ему роман с ней весьма спорен, так как певица отличалась высокоморальной личной жизнью, и нет никаких свидетельств о том, что они с Леонардом вообще были знакомы.

вполне в духе времени, если бы Блэндфорд не совершил непростительной ошибки, позволив обманутому мужу узнать об этой интрижке. Ведь граф Эйлесфорд был одним из самых видных членов «круга дома Мальборо» и близким другом принца Уэльского, который поддержал его в намерении начать бракоразводный процесс против ветреной супруги. И вот тогда Рэндолф Черчилль решил вмешаться и помочь брату Джорджу, чье имя в случае судебного процесса оказалось бы запятнанным. Рэндолф обратился к принцессе Александре: не сумеет ли она уговорить своего августейшего супруга умерить сутяжнический пыл его старого приятеля Спортивного Джо? У Рэндолфа были весомые аргументы, а именно несколько пламенных писем к леди Эйлесфорд... от самого принца Уэльского! Да, наследник трона был любвеобильным ценителем женской красоты и тоже входил в число любовников леди Эйлесфорд. Однако предавать это огласке или даже намекать, что это может быть предано огласке, было очередным нарушением обязательства не выносить сор из дворца. Сама королева Виктория объявила, что шокирована таким поведением, ну а принц Уэльский написал Дизраэли, что лорд Блэндфорд и лорд Рэндолф Черчилль распускают на его счет «клеветнические слухи» и что «весьма жаль, что нет пустынного острова, на который можно было бы изгнать этих двух молодых джентльменов». Но для его высочества не было ничего невозможного, даже сотворить пустынный остров; он заявил, что отныне двери его дома закрыты для братьев и для любого, кто продолжит их принимать. Ни один придворный не посмел нарушить этот указ; для Рэндолфа и его молодой супруги, столь зависимых от светских развлечений, он был равносильен смертному приговору...

Несколько влиятельных людей попытались смягчить наказание, и первым был сам старый герцог Мальборо, лично отправившийся к принцу Уэльскому ходатайствовать за сына. Цели добилась его жена, обратившаяся к премьер-министру. Старый лис Дизраэли знал, что государыня ни за что не решится окончательно рассорить королевскую семью с герцогами Мальборо. В этом деле требо-

вались воображение и дипломатическое чутье, которых Дизраэли было не занимать; и он нашел нужное решение для герцогини: «Моя дорогая леди, есть только один выход. Уговорите вашего супруга принять пост лорда-лейтенанта Ирландии и забрать Рэндолфа с собой. Это положит конец всей истории».

Как мы помним, герцог Мальборо за два года до того отклонил разорительную честь стать вице-королем Ирландии, но теперь эта должность становилась почетным выходом из тупиковой ситуации для его любимого сына, который стал бы в Дублине его личным секретарем и избежал бы таким образом смертельного остракизма, грозившего ему в Лондоне. Вот почему в середине декабря 1876 г. герцог и герцогиня Мальборо в сопровождении лорда и леди Черчилль с двухлетним ребенком по имени Уинстон сели на пакетбот «Коннот» и отбыли в направлении Ирландии. Пройдет много лет, прежде чем Уинстон Черчилль поймет всю сложную взаимосвязь событий, вызвавших этот отъезд; впрочем, на тот момент в любом случае никто им особенно не интересовался...

Никто, если не считать его няню. Рэндолф и Дженни Черчилль, несомненно, понимали, что светская жизнь не позволит им серьезно заниматься ребенком. Впрочем, сыну лорда бонна полагалась непременно, положение обязывало. Но судьбе было угодно, чтобы лорд и леди Черчилль наняли великолепную женщину, что многое поменяло. Ее звали миссис Эверест, и следует признать, что это имя превосходно соответствовало стоявшей перед ней задаче...

II

БЛЕСТЯЩИЙ ДВОЕЧНИК

Новому вице-королю и его свите устроили в Дублине роскошный прием. Уже несколько десятилетий Ирландию будоражило движение за автономию, которое политически проявлялось в Лондоне в парламентских дебатах, а фактически осуществлялось на месте через террористические акции фениев¹. Все эти события разворачивались на фоне катастрофического экономического упадка: после великого голода 1840-х, унесшего половину населения страны на глазах у остававшихся равнодушными англичан, привычной долей ирландцев были нищета и эмиграция. Первая аграрная реформа была принята еще в 1870-м, но по ее положениям большая часть угодий по-прежнему оставалась в руках богатых английских землевладельцев, которые управляли ими издалека. Политическое движение подпитывалось, таким образом, протестами против экономического и социального неравенства, усиленными трехсотлетней религиозной враждой ирландцев-католиков и колонистов-протестантов.

В сложной обстановке новый вице-король, герцог Мальборо, добился заметных успехов: политическая напряженность ослабла, а экономическая ситуация немного улучшилась. В 1878 г. в Ирландии снова начался голод,

¹ Фениеи — члены тайных организаций «Ирландского революционного братства» (ИРБ), основанного в 1858 г. и боровшегося за независимость Ирландии. Действовали в самой Ирландии, в Великобритании, а также в США, Канаде, странах Южной Америки (среди ирландских эмигрантов). — *Прим. переводчика.*

поскольку непрекращавшиеся дожди уничтожили урожай картофеля, от которого главным образом зависело выживание страны. Герцогиня Мальборо лично занялась этой проблемой и запустила кампанию по сбору средств в пользу голодающих Ирландии. При поддержке английской прессы ее «фонды спасения» смогли собрать 135 000 фунтов — колоссальную по тем временам сумму. На эти деньги закупили продовольствие, одежду, топливо и семена. Королева Виктория была столь впечатлена, что направила герцогине письмо с поздравлениями...

В Ирландии Рэндолф Черчилль был занят больше, чем когда-либо прежде в Англии. Разместившись с семьей в Малом дворце¹ в непосредственной близости от внушительной резиденции вице-короля, он принимал там представителей практически всех ирландских политических партий и внимательно выслушивал каждого. Как секретарь «фондов спасения» своей матери, как личный секретарь своего отца и как член парламентской комиссии по изучению вопросов системы школьного образования Рэндолф исколесил Ирландию из конца в конец и составил довольно точное представление об экономических и социальных реалиях страны.

Для молодого депутата, который никогда не скрывал своих политических амбиций, Ирландия была прекрасным трамплином. Находясь проездом в родном округе Вудсток, он выступил с речью столь же яростной, сколь и яркой, напугав почтенных членов правительства консерваторов: «В Ирландии назрели важные и срочные проблемы, на которые правительство не обращало внимания, не расположено обращать внимания и, возможно, даже не имеет намерения когда-либо обратить внимание. Пока эти проблемы будут оставаться незамеченными, правительство продолжит наталкиваться на стену сопротивления ирландцев». Резонанс, вызванный этой речью в Лондоне, вынудил его отца, вице-короля, написать министру по делам Ирландии, что его сын озвучил лишь свою лич-

¹ *La Petite Residence*, дословно — «малая резиденция». — Прим. переводчика.

ную позицию. Он также добавил: «Единственное оправдание, которое я могу найти для Рэндолфа, это то, что он помешался или просто-напросто находился под парами местного шампанского или бордо».

Естественно, ирландское шампанское и бордо здесь были ни при чем, хотя Рэндолф ими не пренебрегал: «Я не переставал пить, — признавался он, — сначала умеренно, а потом уже безо всякой осторожности». Впрочем, в Ирландии он находил для себя и другие радости: регаты, охота или ловля лосося. Неудивительно, что первыми воспоминаниями маленького Уинстона стали постоянные отлучки отца и конечно же матери: «Отец и она постоянно скакали на своих огромных конях, и порой все ужасно волновались, когда то один, то другая запаздывали с возвращением на несколько часов». «То один, то другая...» Уже очень рано Уинстон стал замечать, что родители редко возвращались вместе. Отсутствие матери ребенок переживает еще сильнее, чем отсутствие отца. Одним из его первых категорических требований было: «Я не хочу, чтобы мама уезжала. Если она уедет, я побегу за поездом и запрыгну в него!» Но мама уезжала часто и очень мало заботилась о маленьком Уинстоне...

Все дело в том, что красавица Дженни очень быстро открыла для себя, что проводить время в Дублине можно не хуже, чем в Лондоне или Париже, — бесконечные приемы, балы, спектакли, скачки, да еще и охота на лис, на которой можно было наслаждаться чудесными ирландскими пейзажами и расширять круг знакомств. Ее часто видят в обществе красивого молодого офицера — подполковника Джона Стренджа Джослина, владевшего обширными угодьями в окрестностях Дублина, и когда в феврале 1880 г. у Дженни родится второй сын, она назовет его Джоном Стренджем. Конечно же, почему не попробовать увидеть в этом совпадении... довольно причудливое, но очевидно, что леди Черчилль могла принять на свой счет слова знаменитой современницы: «Мой муж меня столько обманывал, что я даже не знаю, от него ли мой сын». Добавим также, что вторым сыном Дженни занималась не больше, чем первым, ибо, как объяснит Робер Родс Джеймс: «За

яркой красотой и живостью скрывались глубокий эгоизм и легкомыслие».

Но старший сын никогда не судил ее за это строго: «Моя мать сверкала, как вечерняя звезда. Я ее нежно любил, но издали». В действительности маленький Уинстон не был одинок: в Малом дворце в Феникс-парке сына лорда и леди Черчилль окружала армия слуг, и первой была няня — очень преданная и очень грузная миссис Эверест по прозвищу Вум: «Миссис Эверест была моей наперсницей, я изливал ей все мои горести». И точно, горестей хватало: с одной стороны, у мальчика были слабые легкие, в условиях влажного климата Ирландии он был часто прикован к кровати гриппами и бронхитами; с другой — это был крайне непоседливый ребенок, вечно набивающий себе шишки и рискующий свернуть себе шею; наконец, по собственному признанию, он был «трудным ребенком», чьи капризы, упрямство и вспыльчивость часто отталкивали от него окружающих, и в первую очередь собственных родителей, которые никогда не задумывались, что их подчеркнутое безразличие в определенной степени способствовало такому положению дел...

И только няне удавалось, не без труда, ладить с Уинстоном. Каждое утро она водила его на прогулку в Феникс-парк, когда Черчилли жили в Ирландии, а после их возвращения в Лондон в 1880-м — в Гайд-парк, музей Тюссо и на пантомимы. В детской она тайно присматривала за Уинстоном, пока он играл с неисчерпаемым запасом оловянных солдатиков, с которыми соседствовали другие сокровища. И именно миссис Эверест сумела привить ему азы чтения: «Она принесла мне книгу с названием “Чтение без слез”, которое в моем случае себя не оправдало. Это была ежедневная каторга, и все это мне казалось очень утомительным и нудным».

Но такие занятия оказались цветочками. В 1881 г., когда Уинстону исполнилось семь лет, родители решили отдать его в школу, остановив выбор на интернате Святого Джорджа в Эскоте — очень модной в те времена частной школе, очень дорогой и очень строгой. В интернате их сына должны были подготовить к поступлению в кол-

ледж Итон. Для ребенка это стало тяжелым ударом: «В конце концов, мне было всего семь, и я был так счастлив в моей детской среди моих игрушек. А теперь ничего, кроме уроков, семь или восемь часов в день, а потом футбол или крикет». Многие дети пережили подобное, но очень немногие были столь же упрямы, как Уинстон Спенсер Черчилль. Школьные годы стали затяжной войной...

Начнем с того, что между интересами ребенка и предметами, считавшимися фундаментальными в системе школьного образования того времени, существовал явный разрыв. Основу программы составляли математика, греческий и латинский языки, к которым Уинстон испытывал полное отвращение, несомненно, потому, что никто не посчитал нужным объяснить их полезность: «Когда ни мой разум, ни мое воображение, ни мой интерес не были задействованы, я не желал и не мог учиться». Так что результаты по этим предметам были плачевны, и, кроме того, отстающий ученик быстро обнаружил аллергию на экзамены: при проверках знаний его охватывал паралич, он чувствовал себя физически больным. Наконец, возник вопрос дисциплины, вернее недисциплинированности, в области которой он как раз достиг заоблачных высот: в школе Сент-Джордж его оценки по поведению дошли от «очень рассеянного» до «невыносимого». Демонстрируя смелость в нарушении порядка и дисциплины, несносный мальчишка участвует во всех драках, краже сахара из буфетной и разрывает в клочки соломенную шляпу директора. Вызовы авторитету руководства обычно вознаграждались ударами хлыста, которые щедрой рукой и не без садистского удовольствия раздавал директор школы преподобный Х. У. Снейд-Киннерсли. Следы ли этих экзекуций открыли глаза лорду и леди Черчилль? Но так или иначе летом 1884 г. они забрали сына из школы Сент-Джордж и перевели его в маленький интернат в Брайтоне. Предполагалось, что тамошний воздух будет здоровее для слабых бронхов мальчика, да и преподавал в этой школе знающий врач и добрый друг семьи доктор Робсон Руз.

Морской воздух Брайтона действительно оказался целебным, а пансион сестер Томсон — определенно более

человечным, чем школа Сент-Джордж, но юный Уинстон и там показал себя все тем же хулиганом: по итогам первого триместра он был 29-м из 32 учеников по поведению, а в следующем и во все остальные, сколько их было, — самым последним в классе! И хотя его отметки несколько улучшились, в дневнике находим красноречивую запись: «Оценки настоящего бюллетеня практически не имеют значения, ибо частые отсутствия в классе сделали крайне затруднительным какое-либо соперничество с другими учениками». Действительно, Уинстон находил себе массу других занятий: коллекционировал марки, регулярно ездил верхом, возился с бабочками и красными аквариумными рыбками, увлекался пантомимой и театром и даже сам играл во многих пьесах, несмотря на легкое заикание и сильную шепелявость. Для своего возраста он много читал, писал лучше своих товарищей, но это обстоятельство не умаляло отчаяния его преподавателей. Вот отрывок из письма к матери, который позволяет легко понять его настроения: «Пока мне нечем заняться [во время каникул], я не прочь немного поработать, но когда я чувствую, что меня заставляют, это уже против моих принципов». У преподавателя танцев, как и у других педагогов, о Черчилле остались немеркнущие воспоминания: «Это был маленький рыжеволосый ученик, самый гадкий в классе. Я даже думал, что это был самый гадкий ребенок в мире». Вот какой могла бы стать его эпифания, поскольку в марте 1886 г. Уинстон заработал себе воспаление обоих легких, что вызвало опасение летального исхода, но хороший врач Руз был начеку и спас мальчика в последний момент, *in extremis*...

Весной 1888-го Уинстон должен был поступить в колледж. Как всем Спенсерам Черчиллям, ему полагалось отправиться в Итон, но этому воспротивился доктор Руз: сырость туманных берегов Темзы была противопоказана мальчику со слабыми легкими, так что в итоге выбрали Хэрроу, недалеко от Лондона. Однако предстояло еще пройти вступительные экзамены, а молодой человек экзаменов не выносил, тем более что проверялись знания всего лишь трех предметов — ненавистных математики, греческого и латыни! На экзамене по латинскому языку

он сдал чистый лист, по остальным предметам ответы были немногим лучше. При выходе с экзаменов Уинстона стошнило. Полный провал... Но его приняли! Уинстон простодушно заключил, что директор колледжа за видимой оболочкой полного невежества сумел угадать в нем скрытые способности. Трогательная наивность! Его преподавание Уэлдон, директор Хэрроу, всего лишь посчитал неудобным отказать в приеме сыну лорда Рэндолфа Черчилля...

Но и у снисхождения есть границы. Уинстона поместили в 3-е (и последнее) отделение 4-го и (последнего) класса. Он сразу же проявил себя достойным этого назначения: его латынь была нулевой, знания греческого ограничивались алфавитом, французский оставался тарабарским, а о математике и говорить нечего; кроме того, он открыто и подчеркнуто презирал крикет и футбол, бывшие в Хэрроу священными видами спорта. Поведение также ничуть не улучшилось, и, как сообщал его преподаватель Генри Дэвидсон в письме к леди Черчилль от 12 июля 1888 г.: «Уинстон постоянно опаздывает на занятия, теряет книги, бумаги и различные иные предметы. Он настолько аккуратен в своей неаккуратности, что я действительно не знаю, что делать». Только вежливость и дипломатичность помешали господину Дэвидсону добавить, что юный Уинстон — грубиян, наглец и задира, нарушающий все правила колледжа. Зато новоиспеченный студент очень серьезно относился к своему альбому с почтовыми марками, своим двум собакам и к выращиванию шелковичных червей; он увлекался также столярным делом, фехтованием, стрельбой из ружья, верховой ездой, скачками и курил как паровоз. Бабушка Уинстона по материнской линии Клара Джером, навестив внука в колледже, описала его как «маленького злого бульдога с рыжими волосами».

Не было никого, кто бы с ней не согласился, так как только очень опытный глаз мог разглядеть в этом ужасном шалопае кого-то еще, кроме обыкновенного двоечника. Но просто внимательный глаз уже мог бы увидеть в нем глубоко несчастного ребенка... Откровенно говоря, у Уинстона были все основания быть несчастным: с одной сто-

роны, как и в Эскоте и Брайтоне, его здоровье оставляло желать лучшего — с вечными бронхитами, болезнью печени, приступами невыносимой зубной боли (многие зубы пришлось вырвать), мигренями, болями в глазах, приступами депрессии, грыжей в паху, к чему следует добавить раны и шишки, сопровождающие всякого драчуна, ушибы от падений с лошади и сотрясение мозга при неудачном приземлении с велосипеда. Помимо прочего, наследник Черчиллей во всех смыслах, Уинстон постоянно страдал от нехватки денег; мать, сама великий эксперт в этой области, ругала его в письмах: «Ты просто дырявое решето», что абсолютно бесспорно. Правда и то, что он завел себе дорогостоящие хобби, что отвратительное питание в английских *public schools* стало притчей во языцех и нужно было тратиться на нормальную еду, что джентльмену полагалось раздавать многочисленные чаевые, что услуги дантиста и окулиста стоили баснословно дорого и что сигареты и выпивка также достаются не бесплатно... Как бы там ни было, но юноша находился в вечном поиске денег, клянча их у матери, у отца и даже у своей няни...

Однако была и еще одна причина, которая, несомненно, объясняет все остальное: как и в Эскоте и Брайтоне, Уинстон не перестает упрашивать родителей приехать его повидать. Многие годы он пишет им трогательные письма, заранее планирует их приезды, готовит пантомимы, концерты, номера с фокусами, выставки рисунков, играет в театральных постановках и участвует в спортивных состязаниях — все в надежде заинтересовать их, и почти всегда тщетно. За два года учебы в Эскоте мать навещала его дважды, что намного чаще, чем отец. За четыре года в Брайтоне она приезжала четыре раза, а отец — всего один, и хотя дважды проезжал через Брайтон в ходе предвыборных кампаний, но так и не нашел времени повидать сына... В Хэрроу, который был от Лондона всего в полчаса езды на поезде, мать виделась с ним шесть раз за четыре с половиной года, а отец приехал один-единственный раз — по срочному вызову директора колледжа! Случалось также, что мать обещала его навестить, а потом меняла свои планы, не предупредив

див, и Уинстон дни напролет напрасно ждал ее приезда... Когда он возвращался домой на каникулы, то чаще всего ему сообщали, что батюшка изволили-с уехать за границу или колесят-с по стране в ходе избирательной кампании, а матушка гостит у друзей, и хорошо еще, если те не оказывались где-нибудь в Дублине или Париже. Утешить его могли только вернейшая из верных миссис Эверест и младший брат Джек¹, который также отнюдь не был избалован родительской лаской. Последнее обстоятельство хотя бы избавило Уинстона от мук ревности. Мысль о том, что подобное катастрофическое пренебрежение могло тем или иным образом сказаться на психологическом развитии или успеваемости их сына, по всей видимости, никогда не посещала лорда и леди Черчилль. Не от их ли безразличия возник «*black dog*» – периоды черной меланхолии и депрессии, от которых Уинстон страдал всю свою жизнь? И хотя такое отношение было практически семейной традицией Спенсеров Черчиллей, легче от сознания преемственности поколений не становилось.

Вернувшись из Ирландии, лорд Рэндолф с головой ушел в бурлящий водоворот политики. Парадоксально, но именно поражение консерваторов на выборах и возвращение в правительство Гладстона в 1880 г. выдвинули Рэндолфа Черчилля на передний план. Пока его партия оставалась у власти, этого кипучего молодого человека держали на расстоянии, особенно после рокового дела Эйлесфорда. Но как только партия консерваторов была изгнана из правительства и Дизраэли покинул палату лордов, остролов и эрудит Рэндолф, отличавшийся к тому же феноменальной памятью, занял скамью оппозиции и бесспорно проявил талант. Его поддерживали всего лишь три настоящих соратника: дипломат Генри Драммонд Вольф, адвокат Джон Горст и молодой Артур Бальфур, племянник лорда Солсбери. Эту великолепную четверку с некоторой долей преувеличения окрестят «четвертой партией»². Но как подметил А. Л. Роуз: «Если их и было всего четверо, то

¹ На самом деле – Джон, но в кругу домашних его звали Джек.

² После либералов, консерваторов и ирландских националистов.

шуму они делали за все сорок, а времени занимали, как сто сорок...»

Самым красноречивым, самым энергичным и гибким до оппортунизма был, без сомнения, Рэндолф Спенсер Черчилль. Он прежде других сообразил, что стоявшей на грани распада партии консерваторов следует пойти в народ, обратиться к массе городских буржуа, которым только что предоставили право голоса, и даже к фермерам, которым это право также не замедлят даровать. «Старая гвардия» его партии напрасно высмеивала эту «демократию в стиле тори» и лозунг, придуманный самим инициатором кампании: «Доверься народу, и народ доверится тебе»; последующие события (и избиратели) подтвердили правоту лорда Рэндолфа.

Его блестящие и саркастичные речи в парламенте, его триумфальные предвыборные турне, поддержанные «Лигой первоцвета»¹ (душой которой были его мать и жена), его постоянные призывы к реформам и демократизации, его яростная критика экономической, социальной, внешней и ирландской политики либералов и выпады против замшелых пеньков из собственной партии сделали его к 1884 г. одним из самых популярных политиков в королевстве.

Когда в 1885 г. консерваторы формировали временное правительство под председательством лорда Солсбери, оказалось уже невозможно держать Рэндолфа Черчилля вне игры, и его назначили государственным секретарем по делам Индии. В следующем году, после победы консерваторов на выборах, которой они в значительной степени были обязаны популярности и гибкости Рэндолфа Черчилля, лорд Солсбери не мог не отдать тому одно из главных министерств. Лорд Рэндолф стал министром финансов и лидером палаты общин. Ему исполнилось всего

¹ «Лига первоцвета» — крайне консервативный клуб, созданный в 1883 г. Рэндолф Спенсер Черчилль стал одним из его основателей. В то же время его жена и мать открыли дамский политический салон с тем же названием и теми же взглядами. В тексте обе «лиги» рассматриваются как единое целое. — *Прим. переводчика.*

тридцать шесть лет, и это был апогей его карьеры. В Брайтоне один двенадцатилетний мальчик был преисполнен радости; он несколько месяцев боролся за победу консерваторов, подталкивая соучеников примкнуть к «Лиге первоцвета» и увещевая всех взрослых от преподавателей до инструктора по плаванию голосовать за «человека с подкрученными усами» — своего отца, которого он так сильно любил и так мало знал...

Увы! За вершиной скрывается пропасть. За время своего неудержимого восхождения лорд Рэндолф Черчилль нажил немало врагов как среди либералов, так и среди консерваторов, и жертвы его красноречия и лавирования терпеливо ждали часа возмездия. Впрочем, злейшим врагом лорда Рэндолфа был он сам — резкий, высокомерный, мстительный, импульсивный, безрассудный, впадающий то в восторженность, то в уныние, чрезмерно самоуверенный и считающий себя незаменимым. Кроме того, лорд Рэндолф заражен сифилисом, болезнь прогрессирует, и ее проявления все труднее скрывать. В 1881 г. у него случился первый приступ паралича, не оставивший внешних следов, но, несомненно, повлиявший на психику, уже ослабленную крайним нервным напряжением и чрезмерным употреблением спиртного.

Все это позволяет объяснить необъяснимое: 20 декабря 1886 г. лорд Рэндолф Черчилль, превосходный лидер палаты общин, уважаемый руководитель Министерства финансов, которого королева Виктория буквально на днях назвала «истинным государственным мужем», направляет лорду Солсбери прошение об отставке! Он намеревался таким образом вынудить премьер-министра, отклонившего его программу сокращения налогов и расходов на армию, пересмотреть свое решение. Но демарш был сделан столь поспешно, без малейшего согласования с коллегами по кабинету министров или политическими сторонниками, что дерзкий замысел с треском провалился: устав от настырного министра, беспрестанно вмешивавшегося в чужие дела и домогавшегося верховенства среди коллег, Солсбери принял отставку и подыскал замену. Карьера Рэндолфа была разрушена одним ударом.

Низвергнутый к положению простого депутата, оставленный большинством своих политических друзей, он лишь эпизодически выступает в парламенте, больше времени проводит на бегах и подолгу живет за границей. И все это время за ним издали следит его главный обожатель — маленький несносный и драчливый двоечник. Его сын. Мальчик никогда не видел отца, когда тот был знаменит; теперь, когда лорд Рэндолф покинул политическую авансцену, он его не увидит тем более.

Что до отлучек леди Черчилль, то они, разумеется, объяснялись постоянной поддержкой, которую она оказывала супругу во всех избирательных кампаниях. Но объяснялись только отчасти. В действительности, как и до того в Париже, Коувсе, Лондоне или Дублине, ветреная Дженни проводила большую часть времени на балах, на охоте, за игрой и на светских обедах. Следует признать, что у нее также было много любовников, обычно (но не всегда) высокопоставленных — дипломатов, офицеров, политиков, артистов и рантье самых разных национальностей: австрийцев, англичан, французов, американцев, немцев и итальянцев. Надо ли говорить, что она тоже была любовницей принца Уэльского? Это было просто неизбежно, учитывая склонность к женскому полу Его Королевского Высочества, привлекательность леди Черчилль и любвеобильность, отличавшую их обоих... Возмущали ли юного Уинстона интрижки матери? Абсолютно нет, и он был совершенно прав, поскольку все эти связи ему оченьгодились впоследствии. Но на тот момент мать, сверкавшая всегда в его глазах, как «вечерняя звезда», походила скорее на метеор.

Поглощенные своими делами родители не имели времени узнать лучше собственного сына, которого все преподаватели единодушно описывали им как неуправляемого и неисправимого невежу, и сформировали свое суждение о нем по поверхностным оценкам педагогов. Но мы-то с вами никуда не торопимся, поэтому познакомимся с мальчиком за них. И вот первый сюрприз: горе-ученик читает гораздо больше своих товарищей; в девять лет проглатывает «Остров сокровищ», в одиннадцать его не

оторвать от записок путешественников, публикуемых в газетах, в двенадцать он зачитывается приключенческими романами Генри Райдера Хаггарда, а на свой тринадцатый день рождения просит подарить ему «Историю американской гражданской войны» генерала Улисса Симпсона Гранта! В четырнадцать лет он открывает для себя «Историю Англии» Томаса Бабингтона Маколея, затем перейдет к книгам Уильяма Мейкписа Теккерея, Уильяма Уордсуорта и прочим столпам библиотеки колледжа. Все эти произведения, как правило, не были включены в школьную программу, но когда уже в Хэрроу преподаватель проводил семинар о Ватерлоо, он никак не ожидал, что рыжий балбес раскритикует его доклад, приводя цитаты из источников, с которыми не был знаком сам лектор! К тому же Уинстон очень рано заметил, что унаследовал от отца отличную память, и он уже в Брайтоне использовал свой дар, играя в бесчисленных театральные постановки по произведениям классических авторов от Аристофана до Шекспира и Мольера. Но его родители не снизошли почтить своим присутствием эти представления, и он отказался от театра, хотя на всю жизнь сохранил блестящие актерские способности. Ну а своей памяти он находил и иное применение: в тринадцать лет двоечник из Хэрроу удостоился почетного приза за прочтение наизусть тысячи двухсот стихов из сборника «Песни Древнего Рима» Маколея без единой ошибки! В дневнике этого отстающего ученика не указали, что он поправлял своих преподавателей, когда те ошибались, цитируя английских поэтов. Феноменальная память Уинстона Спенсера Черчилля никогда не переставала поражать его современников.

Нашелся и еще один талант, причем почти что случайно: в течение первых трех триместров в Хэрроу юный Уинстон прозябал в самом низшем классе среди самых неспособных учеников, но этих тупиц следовало чем-то занять, пока гордость колледжа углубляла знания греческого и латыни, поэтому двоечников препоручили преподавателю английского языка (родной речи) мистеру Сомервеллу. Как вспоминал Уинстон: «Его задачей было

преподавать самым глупым ученикам самый несущественный предмет — как писать по-английски, всего-то. И он знал, как за это взяться, он учил так, как никто и никогда. Именно на этих занятиях я усвоил строение английской фразы, а это дело благое». Навык оказался крайне полезным: Уинстон быстро сообразил, что его просьбы к родителям прислать денег чаще достигали цели, если были написаны на безупречном английском. В них теперь можно было найти выражения вроде «да не откажет господин Казначей в милостивом предоставлении субсидий» или «по здравом размышлении ассигнования надлежит сохранить за бенефициаром». Впрочем, английскому языку находилось и иное применение: так, Уинстон заключил взаимовыгодное соглашение с учеником выпускного класса, постигнувшего все премудрости латыни, но не умевшего писать сочинения на родном языке; теперь один диктовал другому сочинения на английском, а тот переводил на латинский фразы из заданных упражнений. Наконец, Уинстон опробовал перо журналиста, направив несколько заметок в школьную газету «Хэрровиан» под псевдонимами *Junius Junior* («юный Юний») и *De Profundis* («из глубины души»). Стил — классический, тон — полемический, юмор — язвительный, все в точности как в выступлениях лорда Рэндолафа Черчилля перед палатой общин, что не случайно. Естественно, Уинстон с гордостью отправляет опубликованные заметки своему отцу, и лорд Рэндольф иногда снисходит до того, чтобы их прочитать...

На самом деле Уинстона никогда не переставляли восхищать и манить две вещи, причем обе считались в Хэрроу самыми что ни на есть презренными. Первая — политика. Во все времена она занимала в семье даже слишком большое место. С детских лет, проведенных Уинстоном в замке Бленхейм, она была главной темой разговоров, что вели за столом старого герцога Мальборо, его дедушки. Приверженность к семейной политической традиции и партии консерваторов была такова, то Уинстон написал в «Мемуарах»: «В 1880-м [ему тогда не было и шести] нас всех отстранил от власти Гладстон». Маленький Уинстон восхищается Дизраэли, всей душой ненавидит Гладстона

и с десяти лет жадно читает газеты, чтобы быть в курсе всех перипетий политической борьбы. Само собой разумеется, он очень внимательно следит за восхождением своего отца, заполняет целые альбомы посвященными ему газетными вырезками и карикатурами, а письма к матери часто заканчиваются фразами вроде: «Надеюсь, что консерваторы возьмут верх. Что вы думаете по этому поводу?» и еще: «Я счастлив узнать, что папу избрали в Паддингтоне с таким большим отрывом». Зная, что отец живет одной лишь политикой, одиннадцатилетний мальчишка пишет ему: «Надеюсь, что ваша речь в Брэдфорде будет иметь не меньший успех, чем ваше выступление в Дартфорде». Он знает наизусть все речи отца, и дело здесь не только в феноменальной памяти, но и в искренней страстной привязанности; достаточно вспомнить его бурные кампании в поддержку «Лиги первоцвета» во время выборов 1886 г. Возвращаясь из Хэрроу на каникулы, Уинстон нередко встречается политических друзей своего отца, таких как Джон Горт или сэра Генри Драммонд Вольф, и с обожанием слушает их рассказы о последних парламентских баталиях. Кроме того, Эдуард Марджорибанкс, его дядя¹, был не кем иным, как «главным врагом» — вождем либеральной фракции в парламенте и доходчиво объяснял юноше политические взгляды противоположной партии. Наконец, стоит упомянуть о любовниках матери, благодаря которым Уинстон мог воочию и из первых рядов наблюдать многие значимые события своего времени: принц Уэльский приглашает его на королевскую яхту, когда в 1887 г. на ней празднуют юбилей королевы Виктории; четыре года спустя граф Кински, любимец матери (самый любимый из любовников), берет его с собой в «Кристал-Палас» встречать кайзера Вильгельма II, прибывшего с визитом. В следующем году он мог встретить за

¹ Эдуард Марджорибанкс, 2-й барон Твидмут, — видный государственный деятель и лидер Либеральной партии, женился в 1873 г. на леди Фанни Октавии Луизе, дочери Джона Спенсера Черчилля, 7-го герцога Мальборо, и таким образом приходился зятем лорду Рэндолфу Черчиллю и дядей Уинстону Черчиллю. — *Прим. переводчика.*

отцовским обеденным столом многих самых выдающихся политических и государственных деятелей: Бальфура, Чемберлена, лорда Розбери, Герберта Эскита или Джона Морли. Он отправится в палату общин, где будут вестись жаростные дебаты, чтобы прежде всего послушать отца, но также и Остена Чемберлена и даже своего старого недруга Гладстона, «большого белого орла, свирепого и в то же время великолепного», который, к большому удивлению, вызовет у него восхищение. Будут и другие неожиданности, как, например, когда депутат от либералов спустя всего несколько минут после крепчайшей перебранки с его отцом представится Уинстону и очень любезно поинтересуется, что юноша думает об этих дебатах... Как видим, Уинстон Черчилль еще до совершеннолетия неплохо и очень предметно узнал английскую политическую жизнь. У него родилось тайное желание в свою очередь войти в парламент, чтобы сражаться плечом к плечу с отцом, как Остен Чемберлен и Герберт Гладстон, и вот тогда Рэндолф Черчилль, наконец, сможет поверить в сына, сделать его своим помощником, союзником и, возможно, когда-нибудь даже другом... «Мне казалось, — напишет впоследствии Уинстон, — что вот он — ключ ко всему, или почти ко всему, ради чего стоило бы жить...» В апреле 1891 г. Рэндолф уехал в длительную поездку по Южной Африке. Он рассчитывал поправить здоровье, а также поохотиться и вложить деньги в шахты. «Дейли джиографик» выплатила ему солидную сумму под обещание написать подробные отчеты о своих дорожных впечатлениях, которые впоследствии были опубликованы как серия очерков в нескольких номерах газеты. Вернувшись в Лондон в январе 1892 г., он снова с головой ушел в бурлящий политический водоворот. Сын радовался его успехам: «Полагали, что он быстро вернет себе позиции в парламенте и своей партии, утраченные в результате отставки шесть лет назад. Не было человека, кто разделял бы эти надежды более пылко, чем я».

Но у нашего школяра была и вторая страсть, проявившаяся еще раньше любви к политике, — оружие и армия. С ними связано одно из самых первых воспоминаний дет-

ства, восходящее к 1878 г. Это было в Ирландии, во время открытия его дедом, вице-королем, статуи лорда Гуга: «Я помню большую темную толпу, всадников в красивой униформе, канаты, натягивавшие коричневое с искрой полотно, и старого герцога, моего великолепного деда, обращавшегося к толпе громким, командным голосом. Я даже запомнил одну фразу: "...и залпом всесокрушающего огня он скосил вражеские ряды". Я отлично понимал, что он говорил о войне и сражениях и что "залп" — это когда солдаты в черных шинелях с грохотом стреляли в Феникс-парке, где я их часто видел, когда няня водила меня на утреннюю прогулку. Таково мое первое четкое воспоминание».

Даже замечательно четкое, если учесть, что Уинстону тогда было четыре годика...¹ Но мы уже поняли, что это был необычный ребенок. Он не был старше, когда слушал разговоры о фениях, кампаниях Оливера Кромвеля в Ирландии и конечно же подвигах своего прославленного предка Джона Черчилля, 1-го герцога Мальборо. По возвращении из Ирландии он увлекся войной с зулусами, которая тогда была в самом разгаре. Уинстон разглядывал газетные иллюстрации: «Зулусы убивали много наших солдат, но гораздо меньше, чем наши солдаты убивали зулусов, если судить по картинкам». Ему потребовалось еще два года, чтобы научиться читать тексты и понять, что на самом деле все обстояло несколько сложнее². Он

¹ В действительности — шесть; сын Уинстона Черчилля указал на неточность в мемуарах отца: «Когда папе исполнилось пятьдесят пять, его память была по-прежнему цепкой и точной, хотя и не всегда безупречной. Так, например, она подвела его с первым воспоминанием, которое произошло не в 1878 г., когда ему только исполнилось четыре года, а в феврале 1880 г., всего за несколько недель до возвращения из Ирландии». — *Прим. переводчика.*

² На первом этапе войны, начавшейся в январе 1879 г., англичане потерпели тяжелые поражения. При Изандлване были полностью уничтожены шесть рот 24-го полка, и британцам пришлось временно отступить на исходные, довоенные позиции; позже у Хлобане англичане были разбиты снова. Потери зулусов в обоих сражениях были существенно меньше. На втором этапе войны ситуация стала обратной. — *Прим. переводчика.*

увлеченно читал рассказы о гибели принца Империи¹ и трагической судьбе Гордона в Хартуме², а также о гражданской войне в США и франко-прусской войне 1870 г., которые на тот момент были самыми последними широкомасштабными конфликтами³...

Само собой разумеется, что маленький Уинстон играл в войну со своими кузенами, как и любой мальчишка его возраста. Но он очень серьезно относился к этой забаве. Уинстон всегда был заводилой. В Бамстеде, поместье родителей, он сколотил из досок настоящую крепость, с воротными башнями и подъемным мостом. В центре была сооружена мощная катапульта, способная посылать на большое расстояние... зеленые яблоки; за неимением зулусов ими обстреливали коров, если те неосмотрительно выходили на линию огня... Уинстон обожал смотреть

¹ Наполеон Эжен Луи Жан Жозеф Бонапарт, принц Империи и сын Франции, — единственный ребенок Наполеона III и императрицы Евгении Монтихо. Последний наследник французского престола. Служил в британской армии в чине лейтенанта, добровольцем отправился на войну и был прикомандирован к Главному штабу британской армии в Зулуленде. Убит при проведении рекогносцировки в окрестностях Улунди 1 июня 1879 г., за месяц до окончания войны. На теле двадцатичетырехлетнего принца обнаружили 31 рану от зулусских ассегаев (копий с широкими наконечниками), его опознали только по шраму на бедре. — *Прим. переводчика.*

² Мусульманский лидер Махди объявил в Судане священную войну против неверных. Генерала Чарлза Джорджа Гордона направили в Хартум для эвакуации в Египет живших в Судане европейцев, но генерал был противником сдачи Судана и вместо бегства организовал оборону. Его отряд защищал осажденный город 317 дней, но в ночь с 25 на 26 января 1885 г., за два дня до прибытия подкреплений, Хартум пал. Генерал Гордон был убит на ступенях своего дворца. — *Прим. переводчика.*

³ Последним широкомасштабным конфликтом на тот момент в действительности была русско-турецкая война 1877–1878 гг. за освобождение Болгарии, которая едва не переросла в новую войну России и Великобритании, видевшей в усилении русских угрозу Индии, и спровоцировала англо-афганскую войну. Для британца Уинстона Черчилля недавнее поражение Константинополя имело несоизмеримо большее значение, чем падение Парижа девять лет назад. — *Прим. переводчика.*

военные парады, ходить в военно-исторические музеи, посещать крепости или боевые корабли; его письма полны набросков пушек, униформы, кораблей и полей сражений. Но не стоит забывать о главном: годам к пяти он собрал в своей детской впечатляющую коллекцию оловянных солдатиков, которой особенно гордился: «В конечном итоге я собрал около 1500 солдатиков, всех одного размера, всех только британцев, составивших одну пехотную дивизию и кавалерийскую бригаду». Это если не считать еще нескольких орудий, стрелявших горошинами и камешками по вражеской армии, которой командовал его младший брат Джек. «Это был один из самых грандиозных спектаклей, — вспоминала его двоюродная сестра Клара Фрюен, — и проводился он с чрезвычайной серьезностью, выходявшей за рамки обычной детской игры».

Так оно и было, Уинстон Черчилль сам написал: «Оловянные солдатикки задали курс всей моей жизни». В один прекрасный день его отец (а нам известно, какое безграничное уважение он внушал мальчику) согласился принять оловянный парад — событие исключительной важности: «Все войска были выстроены в боевом порядке для атаки. С чарующей улыбкой отец минут двадцать опытным глазом изучал эту картину, которая и в самом деле была впечатляющей, после чего он спросил меня, не хотел бы я служить в армии. Я подумал, что было бы чудесно командовать армией, поэтому тотчас согласился, и был немедленно пойман на слове. Многие годы я верил, что отец благодаря своему опыту и интуиции сумел угадать во мне задатки военного гения, но впоследствии мне рассказали, что он всего лишь посчитал, что я слишком глуп, чтобы стать адвокатом».

Незначительные причины, большие последствия... Но с той поры Уинстон Черчилль поставил перед собой ясную и четко определенную цель, и теперь ей были подчинены все его действия. После завершения первого учебного года в Хэрроу он поступает на специальные курсы при колледже, на которых готовят к экзаменам в военное училище. Это дополнительные занятия, сверх обычной программы, к которой он по-прежнему проявляет ограниченный интерес. Как отметит один из преподавателей:

«Он занимался, только когда сам решал поработать, и только теми предметами, которые ему нравились». Военная подготовка, «*the military class*», привлекала тем сильнее, что в программе был сделан упор на изучение истории и английского языка — его любимых дисциплин. Кроме того, Уинстон был членом стрелкового клуба, проводившего занятия по стрельбе и тактические военные учения. «Как-то в день больших маневров, — вспоминал его преподаватель, — он подошел ко мне и попросил назначить его моим адъютантом. Он проявил просто потрясающую энергию». И если футбол Уинстону всегда казался скучным, а велосипед так и не покорился (потом он продал двухколесную машину, чтобы купить бульдога), то его все больше привлекали виды спорта, ценимые в армии: верховая езда, бокс, плавание и фехтование. И вот летом 1889 г. этот тщедушный и болезненный коротышка (1,66 м) выигрывает командные соревнования по плаванию. И что еще удивительнее, в возрасте семнадцати лет он побеждает всех противников на соревнованиях между колледжами по фехтованию, причем большинство соперников намного старше и опытнее его. Родители не потрудились приехать даже на вручение кубка: леди Черчилль отдыхала в Монте-Карло, лорд Черчилль — на скачках... Их сын на это почти не обиделся.

Знания Уинстона в области математики не позволяли надеяться на поступление в Вулвич, где готовили будущих офицеров артиллерии и инженерных войск. Преподаватели посоветовали остановить выбор на Сандхёрсте, выпускавшем лейтенантов для пехоты и кавалерии. Для зачисления в это училище требовалось пройти предварительный отбор, а затем сдать вступительный экзамен. Через год, в июне 1890 г., Уинстона допустили на первый отборочный тур, который он, ко всеобщему удивлению, успешно прошел, поскольку многие соискатели, даже старше его, провалились самым жалким образом. Правда, ему сильно повезло: в тот год латинский не был включен в обязательную программу, сочинение было задано на тему гражданской войны в США¹

¹ 1861–1865 гг.

(одну из его самых любимых), а карта, что его попросили начертить, была картой Новой Зеландии, которую он по чистой случайности выучил в последний день перед тестом...

Теперь оставалось сдать основной экзамен, а он был существенно сложнее: помимо французского и химии, в список обязательных предметов входили английский, математика и... латынь. В первый раз в жизни Уинстон трудился дни напролет со всем возможным усердием. Г-н Майо, один из лучших преподавателей математики в колледже, даже взялся заниматься с ним дополнительно. Но этого оказалось недостаточно: летом 1892-го семнадцатилетний абитуриент проваливает вступительный экзамен. Через четыре месяца он повторяет попытку, и... снова неудача. Его отец, всегда державший Уинстона за дурачка, заявил, что нисколько не удивлен, но удивиться ему все же пришлось, когда с ним не согласился директор колледжа преподобный Уэллдон. Этот почтенный человек в конце концов сумел понять, что дневники юного Уинстона давали весьма искаженное представление о его истинной ценности, от него не укрылись также изменения в поведении и прилежании бывшего двоечника. Вот почему он написал лорду Рэндолфу, что третья попытка обязательно завершится успехом, только порекомендовал препоручить сына лучшему профессиональному «подготовителю» — капитану Уолтеру Х. Джеймсу. После некоторых колебаний (услуги капитана стоили недешево) Рэндолф Черчилль ответил согласием, и Уинстон покинул Хэрроу, чтобы отправиться на переподготовку в престижную кузницу будущих бакалавров. «Это была система интенсивного натаскивания, — вспоминал он, — и считалось, что после нее уже было просто невозможно не попасть в армию, если только ты не был имбецилом от рождения».

...Или не погиб, ибо именно этой участи едва избежал Уинстон Черчилль еще прежде, чем сумел воспользоваться услугами капитана Джеймса. Уинстон, которому только что исполнилось восемнадцать, играл в поместье невестки лорда Рэндолфа возле Бурнемута в жандармов и воров [казаки-разбойники] со своими двоюродными

братьями. Ускользнув от одного и второго, он оказался в середине пятидесятиметрового моста, перекинутого через глубокий овраг, заросший деревьями. В этот момент он заметил, что преследователи ждут его по обоим концам моста. Чтобы не быть схваченным, он вскочил на парапет и прыгнул на верхушку сосны, надеясь соскользнуть по стволу вниз, но не рассчитал и упал с девятиметровой высоты, оставшись лежать на земле. Уинстон находился в коме трое суток. Помимо других увечий врачи обнаружили у него тяжелую травму поясницы. Однако Черчилли с болезнью не шутили: родители привезли с собой отличного доктора Руза и известного хирурга. Уинстон отделался двумя месяцами постельного режима. Подготовка у капитана Джеймса в равной степени пострадала как от этого происшествия, так и от проснувшегося влечения к политике: едва поправившись, Черчилль живо заинтересовался попыткой своего отца вернуться на олимп власти и ходил на все его выступления в палате общин. Несчастный капитан Джеймс был в отчаянии и уже хотел отступить от непосильной задачи. И был неправ: в июне 1893 г. с третьей попытки Уинстон Черчилль был принят в Сандхёрст — немного труда, много везения и некоторые незаурядные способности...

Вполне могло стать, что Уинстон так никогда бы и не поступил в Сандхёрст, да и вообще куда-либо. В то лето он проводил каникулы в Швейцарии. Прогуливаясь в лодке по озеру Леман, он и его товарищ решили искупаться и скоро обнаружили, что ветер отогнал лодку очень далеко, а до берега было не доплыть. «В тот день, — вспоминал Уинстон Черчилль, — я видел смерть так близко, как никогда». Вот здесь он слукавил: ее он увидит еще ближе, и не раз. Уинстон сумел из последних сил доплыть до лодки и спасти товарища (его еще в Хэрроу знали как прекрасного пловца).

Незадолго до этого приключения он получил поздравления с поступлением в Сандхёрст от всех родственников, за исключением родителей. Письмо, в конце концов полученное от отца, было особенно резким; из-за низких отметок на экзамене Уинстон не мог поступить в пехоту,

и ему оставалась более затратная служба в кавалерии, поэтому возмущенный лорд Рэндолф отчитал сына: «Твой эпический подвиг поступления в кавалерию обойдется мне в лишних 200 фунтов в год. Если ты не расстанешься с твоим праздным, бессмысленным и бесполезным образом жизни, который ты вел во все время учебы и в последние месяцы, ты станешь обычным отбросом общества, одним из тех бесчисленных неудачников, что выпускают “*public schools*” [частные школы], и ты погрязнешь в жалком, несчастном и пустом существовании».

Быть может, это проекция? И действительно, портрет очень напоминает самого лорда Рэндолфа в молодости и еще больше того, кем он боялся стать в ближайшем будущем. И потом, в письмах встречаются странные противоречия, позволяющие предположить, что болезнь, мучившая его без малого десять лет, уже серьезно угрожала умственным способностям. Сознал ли это Уинстон? Конечно нет. Он ответил отцу: «Я очень расстроен, что вызвал ваше неудовольствие. Своим трудом и поведением в Сандхёрсте я постараюсь исправить ваше мнение обо мне».

*Научно-популярное издание
Серия «Новая версия»*

КЕРСОДИ ФРАНСУА

УИНСТОН ЧЕРЧИЛЬ

Власть воображения

Перевод с французского М. В. Глаголева

Редактор *Е. А. Воронцова*
Художественное оформление: *А. П. Зарубин*
Корректоры *О. В. Круподер, В. А. Нэй*

Подписано в печать с файлов издательства 12.01.2015 г.
Формат 60×90/16. Гарнитура «NewBaskervilleC».
Печ. л. 37,0. Тираж 2000 экз.
Заказ №

ООО «Издательство «Этерна»
115477, г. Москва, Кантемировская ул., д. 59а
Тел./факс: 755-81-23

E-mail: info@eterna-izdat.ru
www.eterna-izdat.ru